

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Личное дело сыщика
Серия «Полковник Гуров»

Robin Book: Prince of OCR (09.09.2004)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120523

*Леонов Н.И., Макеев А.В. Личное дело сыщика: Повесть: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2001
ISBN ISBN 5-04-006670-8*

Аннотация

В благополучной с виду семье заместителя министра Вербицкого случилась беда – пропала дочь Анна, девица эксцентричная и взбалмошная. Связи и положение решают все министр внутренних дел поручает розыск полковнику Гурову. В поисках девицы сыщику пришлось опуститься на самое дно преступного мира, в глубине которого переплелось все наркотики и наркодилеры, маньяк, утверждающий себя, зверски убивая свои жертвы, и грязь шоу-бизнеса, проститутки и сутенеры. Кажется, Анна исчезла в этом мире бесследно, но сыщику удастся выйти на след.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Иванович Леонов Алексей Викторович Макеев Личное дело сыщика

Пролог

Зашторив окна, он принялся за дело: подошел к кровати, расстегнул брючный ремень и попросил проститутку лечь на живот.

Высокая крашеная блондинка мурлыкнула и выполнила желание своего сутенера. Казалось, будто красный шелк простыней ожил под ней и сам перевернул ее тело.

Кровать была мягкая. Он почувствовал, как непреодолимое желание взять ее начинает поработать мозг. Может, попользоваться напоследок? Но нет. Нет времени.

Он подошел к тумбочке, выдвинул ящик и взял заранее заряженный «макаров».

Она обернулась, и глаза ее расширились от ужаса.

– Что ты делаешь! – взвизгнула проститутка, вскакивая с постели.

Спокойно взяв с кровати туго набитую подушку, сутенер подошел к ней.

– За что?! – Она обхватила груди ладонками и повернулась к нему полубоком.

Он рывком развернул ее к себе, приложил к ее груди подушку. Вдавлив поплотнее ствол в ткань, выстрелил в сердце.

– Стукач – профессия опасная, – любезно сообщил сутенер, когда все было кончено.

* * *

Ненависть к телефонным аппаратам – вещь распространенная. С ними никак нельзя ужиться, а без них невозможно. То же самое мужчины говорят о женщинах, занятно.

Звонок в девятом часу вечера, когда ты все еще на работе и уже давно хочется все бросить и идти домой, не может улучшить настроение.

Гуров смотрел на телефон и кривил губу: «Братъ или нет? Приду завтра утром и обо всем узнаю». Он уже собрался уходить, точнее, собирался в течение ближайших двух часов, но то одно доложат, то другое принесут. Надоело. Скорее, скорее из управления. Он встал и решительно направился к двери. Затем остановился.

– Ать, черт. – Подошел и поднял трубку: – Гуров.

– Лева, не ушел? Орлов говорит. Прими информацию к сведению. Вот тебе адрес. – Генерал продиктовал координаты в непосредственной близости от Кремля. – Фамилия Вербицкий, замминистра торговли, у него пропала дочь. Записал?

Как это он мог успеть записать? Слава богу, память не девичья, поэтому не придется просить повторить. Начальство не любит, когда его об этом просят, даже если ты знаешь это начальство целых двадцать лет.

– Записал, – Гуров уловил в тоне Петра Николаевича приказные нотки. Что он, с пионером разговаривает? Все понятно, придется оказывать помощь большому дяде. Для чего суровость? Знает ведь, что для полковника Гурова его интонации – лишнее сотрясение воздуха.

– Врешь ведь, Гуров, запомнил.

– Так точно, вру, товарищ генерал-лейтенант, – подтвердил полковник.

– Молодец, – похвалило начальство. – Выручай! Не медли, езжай прямо сейчас, окажи содействие. Всего.

Генерал отключился.

Гуров первым делом достал блокнот и записал все, что ему передал начальник. Последняя фраза расшифровывалась очень просто: поможешь – будешь хорошим мальчиком, не поможешь – поставят клизму. К клизмам ему не привыкать, а вот оказывать содействие заместителям министров – подумать только, и таким людям время от времени требуется подспорье – не каждый день выпадает.

Посмотрев на себя в зеркало, полковник отметил неизбежный дневной прирост щетины на лице. Побриться надо – неприлично с заросшим личиком показываться дома у высоко стоящего, далеко глядящего человека.

Гуров склонился над раковиной, с недавних пор возникшей в углу кабинета и отгороженной от остального пространства парой фанерных стенок. Он долго скоблился, тщательно удаляя волосы и придирчиво проверяя выполненную работу.

Когда физиономия была приведена в парадное состояние, он обратил внимание на костюм и туфли. Гладиться негде – извините, а вот ботиночки он тряпочкой протрет.

* * *

– Я устал решать твои проблемы на факультете. – Евгений Борисович вытер со лба выступившую испарину. Новость о том, что дочь уже два месяца пропускает занятия в институте, не могла радовать отца.

– Какие проблемы, папа? Я не понимаю тебя. Мне уже двадцать лет, а ты все продолжаешь бегать за мной с горшком. Лучше бы помирился с матерью.

Анна Евгеньевна Вербицкая не отличалась хорошими манерами, а уж в разговорах с собственными предками едва сдерживала себя. Ей казалось, что если она будет общаться с родителями чаще одного раза в месяц, то сойдет с ума. Длина одного раза зачастую ограничивалась телефонным звонком с лаконичным сообщением о том, что с ней все в порядке.

Сегодня ей предстояло пережить плотный разговор с папаном. Он застал ее дома. Ну должна же она на что-то жить. Пришла, чтобы взять деньги из семейной кормушки, которую исправно пополнял папан, а растрясали мать с дочерью, причем так интенсивно, что Евгений Борисович был вынужден прерывать принцип общего котла и сажать своих женщин на урезанный паек.

Но сейчас «карантина» вроде как не было. Да и взяла она всего двести баксов. Что это – деньги?

Правда, разговор шел не о деньгах, а об институте.

– Ректор дал мне обещание, что постарается. – На самом деле Вербицкий был просто уверен, что его дочь даже если ни разу не переступит порог торгового института, все равно его закончит, то есть получит диплом.

– Я нагоню программу, – стала обещать Анна.

– Не думаю, что ты сможешь все быстро наверстать, даже если приступишь к занятиям немедленно.

– Первые два курса я нормально отучилась.

– Да, только мне пришлось говорить чуть ли не с каждым преподавателем, – Евгений Борисович потер пальцы, изображая пересчет купюр.

– Я подумаю, – раздраженно ответила дочь и пошла в коридор надевать прогулочные тапочки стоимостью в сотню баксов.

– Где ты сейчас живешь? – с дрожью в голосе поинтересовался отец.

– У подружки, – отмахнулась Анна.

Она присела, чтобы завязать шнурки.

– Но чем тебя не устраивает эта квартира? – Евгений Борисович не мог понять, как шестикомнатные покои в центре столицы могут не нравиться.

Она посмотрела на него снизу вверх.

– Квартира хорошая, но я хочу жить своей жизнью. Я не хочу всякий раз, когда к тебе приходят гости, а это случается каждый вечер, выходить к ним на смотрины, чтобы старые пердуны отметили высокие сиськи, длинные ноги и роскошные волосы. Посмотрите, какую дочку вырастил замминистра торговли России! Смешно! Ха-ха-ха!

Она резко поднялась, дежурно чмокнула седеющего отца в щеку, а через секунду уже хлопнула входной дверью.

«Помириться с женой», – отметил для себя Вербицкий. Он принадлежал к той породе мужчин, которые рулят подчиненными на службе, а дома отдаются в руки жен. Лене он позволял все, за исключением одной-единственной вещи – он не мог пережить, когда в семейном бюджете образовывался дефицит.

В последний раз они поссорились месяц назад. Он не купил ей кольцо в Арабских Эмиратах. Он не жадный, но двенадцать тысяч долларов... они и так потратили двадцатку, куда еще?

После шопинга пришли в гостиницу и, как бывает в таких случаях, стали вспоминать всю срань, скопившуюся за долгие двадцать пять лет семейной жизни. Она прошлась по его родителям, он по ее. В общем, вели себя, как дети.

Ребячество закончилось тем, что он предпочел улететь в Москву, а она осталась еще на неделю.

По возвращении на родину Елена Вербицкая решила пожить на своей даче.

С тех пор они не виделись.

Он пару раз звонил туда, но трубку никто не брал, из чего Евгений Борисович сделал заключение, что Лена не хочет его видеть.

Временами он надеялся на то, что у нее кончатся деньги и она сама позвонит. Но ничего подобного не происходило.

И вот сегодня Анна легко заткнула отцу рот, потребовав от него примириться с матерью.

Он подумал, что, если их отношения с Леной наладятся, у него появится козырь в разговоре с дочерью.

Сейчас он был человеком, который принимал решение.

– Какой там номер телефона, черт, – выругался он себе под нос. Пришлось садиться за компьютер, лезть в файлы за нужной информацией.

С пятого гудка трубку взяла жена.

– Алло.

– Привет.

– Привет, – голос супруги чуть дрожал.

– Заходила Анна.

– С ней все нормально?

– Абсолютно, но учебу запустила. Я посоветовал ей заняться делом.

– Женя, ты должен был не советовать, – голос Лены пропитался истерикой. – Ты должен был заставить ее ходить на занятия. Я приеду. Сегодня буду дома. Ты слышишь?

– Да, конечно, приезжай, я жду.

* * *

Прошла неделя. Вербицкие помирились. Он и она привели нервную систему в норму.

Вернувшись в объятия мужа, Лена забыла думать о дочери. Пропуски занятий были лишь предлогом к тому, чтобы приехать в столицу. Жить без денег она больше не могла.

Ее супругу было сорок пять, ей на девять лет меньше. Анну она родила в шестнадцать лет для комсомольского вожака одного из районов далекого Мурманска. И ничего, смогли жить не тужить. Может быть, тогда еще она не созрела как мать, но Женя... он оказался прекрасным отцом.

Переезд в Москву десять лет назад в корне изменил их жизнь. Некогда спокойная и скромная, Анна пошла в престижную школу, где больше всего ценилось не сколько ты знаешь, а в чем ты ходишь.

У родителей не стало хватать времени на дочь. Папа с каждым годом поднимался все выше и выше, оттесняя конкурентов. Жизнь вроде налаживалась, а между тем дочка оказалась брошенной, потому как маму стало больше интересовать, какую вещь где купить и куда поставить.

Школу они одолели еле-еле, а уж в институт торговли поступили благодаря папиному чину.

Так и жили: папа крутился в высших сферах, мама тратила, а дочка была сама по себе. Спустя месяц Вербицкий вспомнил о дочери.

– Что-то давно не звонит, – пожаловался он супруге.

– Как давно? – спросила Лена, прекращая красить ногти на ногах.

– Да звонила она как-то пару раз, оставляла сообщения на автоответчике, мол, все у нее нормально. Но вот не появляется уж больше месяца.

– И ты молчишь! – набросилась она на него. – Я думала, она у тебя под контролем.

– Извини, дорогая, у меня под контролем большая часть всех внешнеторговых операций страны.

Спустя еще две недели, в течение которых от дочери не было ни слуху ни духу, Вербицкий позвонил напрямую старому приятелю – заместителю министра внутренних дел Бардину.

– Николай Ильич? Здравствуй, дорогой. Вербицкий беспокоит. Не найдешь для меня немного времени?

– Приветствую, Евгений Борисович. Что случилось?

– Слушай, давай не по телефону.

– Не возражаю. Я сегодня на работе до двенадцати ночи. Сейчас аврал, а вот к шести вечера рассосется. Приезжай, посидим.

Пообещав приехать в восемь, Вербицкий попрощался, лелея в сердце надежду, что он еще не поздно спохватился.

Как же он мог? Да как обычно: работа затянула. То совещания, то перелет, то опять совещания, то снова перелет. То немцы, то американцы, то китайцы, а на родную дочь времени не остается.

Бардин встретил своего друга теплым рукопожатием и усадил за заранее приготовленный столик с самоваром.

– Что-то ты невесел, Женя.

Чай у министра был отменный, и лимончик к нему обязателен, и печенье, и пряник.

Вербицкий на десяток лет был помоложе Николая Ильича и потому чувствовал, будто пришел жаловаться старшему брату.

– У меня от дочери полтора месяца никаких вестей.

Бардин удивленно посмотрел на собеседника.

– И ты только сейчас об этом говоришь?

Гостю пришлось объяснять, что дочка у него очень самостоятельная, что ей уже двадцать, что справиться он с ней не может.

Выслушав отцовские жалобы, чин посмотрел на огромные часы с позолоченным циферблатом и стрелками, висящие на стене. Вещь дорогая. Но время заместителя министра МВД несравненно дороже.

– Я сейчас позвоню. Еще, слава богу, не ночь, а ты пока чаек пей.

Вербицкий послушался совета и налил себе из самовара кипятка, взял стоящий на подносе чайничек, налил заварки. Непроизвольно получился очень крепкий напиток. Вот так всю жизнь: непроизвольно у нас получают дети, а потом мы их непроизвольно выпускаем из-под собственной опеки.

– Это Бардин, – пробурчал в трубку чин, – Орлов, у тебя есть какой-нибудь сыскарь попрличнее?

* * *

Вербицкий сидел на диване и смотрел новости, когда в дверь позвонили.

На пороге стоял уверенный в себе мужчина. Вряд ли старше его и вряд ли младше. Он был одного роста с Вербицким, только взгляд немного посуровее будет. Интеллекта на лице вряд ли больше. Здесь Евгений Борисович себя переоценивал, но это простительно.

– Проходите, – пригласил хозяин.

– Спасибо, – поблагодарил Гуров, отмечая метраж коридора и высоту потолков.

– Вербицкий Евгений Борисович, – представился специалист по торговым делам и протянул руку.

Гуров ответил тем же, после чего получил первую «оплеуху»:

– Петр Николаевич отзывался о вас с хорошей стороны.

Упоминание о заместителе министра должно было подстегнуть полковника.

– Я не волшебник, но не надо размазывать кашу по тарелке, давайте перейдем сразу к делу, – раздраженно сказал Гуров, следуя за Вербицким.

Полковник не стал делать акцент на том, что замминистра о нем, может, и слышал, но вряд ли стал бы давать какие-нибудь рекомендации. Ладно, он сюда пришел не ловить на слове, а помочь. Просили. Настоятельно.

Вербицкий выключил телевизор и с легким вздохом предложил Гурову сесть в черное кожаное кресло, сам он опустился в точно такое же, стоящее напротив.

Гуров предпочел стул, не желая утопать в горе мягкости. Ему предстояло работать, а не расслабляться.

– У меня пропала дочь, – Вербицкий закрыл на мгновение глаза.

Он сказал это точно так же, как обычно маленькие дети сообщают своим мамам или бабушкам, что они обкакались. Интонация пораженческая и в то же время подчеркивающая неизбежность происшедшего.

В отличие от обделавшихся детей Вербицкий был отнюдь не беспомощен, но говорил точно так же. Оправдывался за то, чего не должен был допускать.

– Как ее зовут?

– Анна Евгеньевна Вербицкая.

– Сколько ей лет? – Гуров открыл блокнот.

– Двадцать.

– Когда вы видели ее в последний раз?

Услышав, что уже прошло более шести недель, Гуров сделал верный вывод:

– Она с вами не живет?

– Да.

– Какой адрес?

– Понимаете, – замялся Вербицкий, – она очень самостоятельный человек.

– Я бы позволил себе сказать: «слишком самостоятельный», – не стесняясь, сердито выдал Гуров.

Ему предстояло искать по всему миру девку или то, что от нее осталось, имея зазор в полтора месяца.

– Вы живете с матерью Анны?

– Ну разумеется. Просто сейчас жена в театре.

– А она что, не волнуется насчет дочери?

Вербицкий промолчал.

– Извините, я не могу быть тактичным. В таком деле важны все детали. У вас хорошие отношения с женой? Кстати, как ее имя?

– Лена. – Замминистра встал и, подойдя к бару, налил себе полстакана коньяку. – Вы будете?

– Нет, спасибо. Так как у вас с женой?

Сделав большой глоток, Вербицкий выдохнул и проморгался, разгоняя пробившуюся слезу.

– Последние полгода мы были в ссоре. Анна переживала. Мы помирились, когда узнали, что наша дочь не посещает занятия в институте. Когда я видел ее в последний раз, она бросила мне в сердцах, что я должен помириться с матерью. Я сделал все, что от меня зависит. Надеялся, что после этого смогу поговорить с ней и убедить вести нормальный образ жизни. Сейчас середина мая, скоро сессия. А она не изволит появляться. Поймите, я не хочу верить, что с ней что-то случилось. Давайте будем считать, что у девочки просто расстроились отношения с родителями.

Полковник не возражал:

– Ничего не имею против. Вы звонили в институт, узнавали? Не исключено, что она появлялась там.

– Знаете, у меня слишком высокий ранг. Я не могу вот так просто взять и приехать в институт торговли. Для того чтобы узнать, была она там или нет, надо разговаривать со студентами.

– Вы не пробовали послать туда своего референта?

Евгений Борисович заерзал, явно не зная, что сказать. Повисло тяжелое молчание.

– Хорошо, – кивнул Гуров, давая понять, что он догадался, какой редкий перед ним сидит засранец, – я поговорю сам. Вы знаете кого-нибудь из знакомых Анны? У нее есть друзья, подруги?

– Боюсь, здесь я ничем не смогу вам помочь. Все, что я могу сделать, так это дать вам машину и шофера, который будет при вас круглые сутки. Кроме того, вы получите сотый телефон и сто тысяч рублей на мелкие расходы. К сожалению, я не владею какой-либо информацией. У меня просто нет времени на это.

– Вы можете назвать мне места, где она любит отдыхать?

Вербицкий развел руками, показывая тем самым, что не имеет ни малейшего представления, где Анна проводила свободное время, которого у нее, судя по всему, было в избытке.

Дверной замок хрустнул, и в квартиру вошли.

– Женя! Ты дома?

– Да, дорогая. У нас гость.

– Я вижу по ботинкам, – донеслось из коридора.

В комнату вошла женщина. Она сняла в коридоре туфли и теперь предстала перед мужчинами в великолепном вечернем платье нежно-персиковых тонов и домашних тапочках. Нелепое сочетание.

Аккуратно подстриженные пепельные волосы едва закрывали плечи. Голубые глаза сверкали под великолепными черными бровями. Жена Вербицкого была, без преувеличения, красавицей: фигурка, шея, плечики, выбивающаяся при ходьбе из разреза ножка.

Тратить на такую женщину весьма много – вполне прилично.

– Это полковник из Московского уголовного розыска. Он постарается помочь нам найти Анну.

Лев Иванович работал в Главном управлении МВД, но стоит ли заострять на этом внимание?

Гуров поднялся и представился, чуть наклонив голову, но делал он это не по-лакейски, с отточенным дерганьем, а так, по-простецки: назвал, кивнул, сел на прежнее место.

– Я надеюсь, что вы мне поможете, – выразил надежду Гуров. – Не сможете ли вы назвать мне знакомых Анны или места ее вероятного обитания?

– Ты пил?! – Лена увидела открытый бар и сердито посмотрела на мужа.

– Но тут такое дело, – стал оправдываться супруг.

– Фотографию вашей дочери можно попросить во временное пользование? – на полтона выше попросил полковник, забирая со стола сотовый телефон и конверт с деньгами.

– Да, конечно. – Второй купец в стране поднялся, подошел к стенке и достал альбом с фотографиями.

Он передал полковнику портрет дочери – карточку десять на пятнадцать.

– Хорошее качество, – отметил Гуров, разглядывая курносый нос, пару папиных черных глаз, острый подбородок и четко очерченные скулы. Над всем над этим – пепельные волосы такой же длины, как у матери.

– Образ на этой фотографии соответствует тому, что она представляет собой сейчас? – Полковник, хотел он того или нет, должен был общаться с парочкой, которой не терпелось выяснить, кто из них больший негодяй: тот, кто ходит в одиночку в театр, или тот, кто пьет.

– Добавьте серьгу в носу, – помог отец. – Дорогая, машина не ушла еще?

– Иваныч уехал. – Лена налила себе вина.

– Придется тебе обойтись некоторое время без водителя, – сообщил супруг.

– Садиться в старую «девятку» и рулить самой?! – воскликнула красавица, уносясь с бокалом в другую комнату.

– Ничего, она переживет, – отмахнулся Вербицкий. – Вот телефон моего шофера, зовут его Анатолий Иванович, нормальный мужик.

«Надеюсь», – подумал Гуров, забирая бумажку из рук папы.

– Вы спрашивали насчет дочери, – в гостиной снова появилась Лена, уже в шортах и майке. – Она любит ходить на концерты. Отсматривает все новые программы по Москве. Поймите правильно, я не имею в виду балет или театр.

– Это лучше, чем ничего, – прокомментировал Гуров. – Как только что-нибудь узнаю, обязательно позвоню. Я надеюсь, что и вы мне позвоните, если откроются новые обстоятельства. Здесь мои рабочие телефоны, вдруг по сотовому не дозвонитесь, – он протянул визитку Евгению Борисовичу.

– Мы очень на вас надеемся, – Вербицкий крепко пожал полковнику руку на прощание.

– Будем стараться, – полковнику не оставалось ничего иного, кроме как сжать руку папе чуть сильнее.

* * *

Анатолий Иванович действительно оказался нормальным мужиком: среднего роста коренастый дядька с пышными усищами и дежурной бейсболкой «Нью-Йорк Рейнджерс».

– Мне Евгений Борисович насчет вас звонил, – сообщил он, как только они поздоровались.

Ездил жена Вербицкого на черной «Волге». Совсем, совсем недурно. Теперь на ней покатается и товарищ полковник.

Гуров приехал на работу на «Волге», но даже это не подняло настроение. Ему предстояло разобраться с текучкой, накопившейся за неделю, а это радости не прибавляло. Четверг почему-то уже который месяц выдавался днем исключительно отвратительным. Он размышлял над этой проблемой и над тем, с чего начать: собрать подчиненных и провести разбор полетов по делу о покушении на жизнь главы банка «Москворецкий» – за неделю результатов никаких – или же потрясти народ по линии маньяка, на счету которого уже шесть девочек-подростков. Маньяк затаился, зараза. Правда, больше никто не гибнет, но вычислить его не могут. И здесь, как это ни парадоксально, сыщик просто вынужден думать о том, что рано или поздно произойдет очередное убийство и на этот раз будет свидетель, который точно опишет приметы преступника.

«Дрянная у меня работа», – подумал Гуров, но тут же поймал сам себя на слове. Не смог бы он так долго работать сыскарем, если бы не испытывал куража во время работы и чувства глубокого удовлетворения, когда ловил преступника или целую банду.

Открыв дверь кабинета, он с удивлением обнаружил, что, кроме Крячко, чей стол стоял напротив, в кабинете еще несколько человек. С минуты на минуту должно было начаться совещание, на которое Гурова никто не приглашал.

– Что за реорганизация? – Лев Иванович поздоровался со всеми присутствующими, последним был Крячко.

– Приказ Орлова, теперь я – большой начальник. Что там у тебя за дело такое?

– Извини, – Гуров крякнул для большей театральности и посмотрел сверху вниз на своего подчиненного, – я тебе могу сказать лишь то, что ждет меня работа не на день и не на два. Так что привыкай. Если я облажаюсь, то тебе придется тащить на себе весь этот воз. Хочешь узнать поподробнее – приходи, посидим.

Крячко потер скулу и посмотрел на капитанско-лейтенантскую паству, которой ему придется сейчас читать мораль.

– Неси свое бремя достойно, командир! – пафосно воскликнул полковник. – Станислав, если что-то для меня будет, оставляй под стеклом на столе.

После того как его освободили от рутины, Лев Иванович воспрянул духом.

Иногда говорят, что работа не может нравиться или не нравиться, ее просто надо делать. Гуров с этим мог бы поспорить. Уж на его-то работе без фанатизма и преданности делу никак нельзя. Слишком велики психологические и физические нагрузки. Если не будешь испытывать кайф от дела, скоро начнешь думать о бесполезности существования, а это недопустимо. Начинают возникать мысли о безысходности, собственной неполноценности, несущественности всего происходящего. Все это приводит к деградации личности. Примеров тому – масса.

– В институт торговли, – дал команду водителю повеселевший полковник и сосредоточился – в кои-то веки! – всего на одном деле. Деле об исчезновении девушки.

* * *

Анна училась на третьем курсе торгового института и, как выяснилось после недолгих разговоров в секретариате, должна была стать специалистом в области менеджмента, а не трепать нервы родителям.

Тридцать шестая группа сидела на семинаре по товароведению. Постучавшись, Гуров тактично заглянул в небольшую комнатку под номером девять и поманил преподавателя – молодого человека в джинсах и цветастой рубахе.

Тот, скорчив недовольную рожицу, вышел в коридор.

– Это тридцать шестая группа? – уточнил Гуров.

– Она самая, – подтвердил обладатель цветастой рубахи. По представлениям Гурова, со студентами надо было заниматься в чем-то более строгом, но он здесь не за этим.

– Анну Вербицкую давно не видели?

Молодой человек наморщил высокий лоб и, проведя по густой черной шевелюре пальцами, сообщил, что не видел ее ни разу, хотя в списках она значится.

– А вы родственник? – осведомился он, поглядывая на часы.

Полковник решил не предъявлять удостоверение.

– Родной дядя. Она уже давно не появляется дома. Можно я спрошу ребят?

– Пожалуйста, только побыстрее, если можно. У нас осталось всего одно занятие.

Поблагодарив преподавателя за любезность, Гуров вошел в комнату, где за столами сидело около десятка девушек и двое парней.

– Извините, что прерываю ваше занятие, – начал полковник, отмечая оживление на лицах студентов. – Я близкий родственник Анны Вербицкой. Если кто-то видел ее последние месяца полтора, я был бы благодарен за короткую беседу со мной. Буду ждать в коридоре. Спасибо.

– Она что, пропала? – тут же выкрикнул парень из дальнего угла.

– Если у кого-то появится желание поговорить, буду рад, – тупо повторил Гуров и вышел.

Шанс невелик, но где, как не в институте, возможно узнать о человеке хоть что-то. Поразительно, что родители не могут назвать ни одного имени или не хотят, но девчонку все равно надо искать, поэтому придется ждать звонка.

На перемену высыпало огромное количество молодежи и мигом заполнило все свободное пространство.

Смех, запах духов, стройные ножки, споры. Мелькание денег, дорогой обуви, золота, выбритых затылков и крашенных чубчиков. Сигаретные пачки, банки с пивом и кокой, полиэтиленовые пакеты, сумки. Море джинсов. И глаза, глаза. Они смотрят на тебя, стремятся залезть тебе в душу, постоянно задавая один вопрос: «Кто ты? Кто ты?»

Неожиданно Гуров почувствовал себя неуютно. С расстояния в пару метров его рассматривала девушка. Она была в классе, не запомнить блондинку с короткой стрижкой в голубой сорочке было невозможно.

Он сделал к ней пару шагов.

– Вы хотите мне что-то рассказать?

Она опустила глаза.

– Нет. Мы ее давно не видели. Если вам будет интересно, я могу сказать, что Анна любила пиво.

– Почему любила?

Девушка смутилась.

– Но ведь она пропала, правда?

– Я вам этого не говорил. Вернемся к пиву.

– Вместо лекций она частенько посещала ближайший бар. Выйдите с парадного – и квартал вправо. Заведение называется «Белая пена». Вот и все.

– Вы подруги?

Блондинка покачала головой, закидывая кожаный рюкзачок на плечо.

– Здесь у нее подруг не было.

- А друзья? – Гуров пытался зацепиться хоть за какого-нибудь человечка.
- Зачем ей студентки, когда за ней постоянно приезжал какой-то тип на «SAAB-9000».
- Цвет машины какой? – Гуров знал, что она обязательно скажет ему цвет. Она запомнила марку, значит, зафиксировала и цвет.
- Темно-красная. Не знаю, какой это на автомобильном жаргоне.
- Понятно. Парень здоровый?
- Почему парень? Скорее мужчина. Вашего роста, может, немного пониже. Очень крепкий.
- Что значит крепкий?
- Ну, знаете, – она немного смутилась, – плечи, бедра, грудь.
- Брюнет?
- Да.
- Усы, борода?
- Нет. Ничего такого.
- Коротко подстрижен?
- Я видела его всего дважды, бог его знает, как давно, и не могу гарантировать, что он не изменился. Тогда у него на голове почти не было волос, подстрижен был очень коротко.
- Спасибо. Вы мне очень помогли, – поблагодарил Гуров.
- Да чего там.
- Студентка попрощалась и стала медленно удаляться.
- «Почему она? – подумал Гуров. – Не исключена зависть. Ишь ты, как много деталей запомнила».
- Он вынул фотографию Анны.
- Где же ты, где, девочка милая?

* * *

- Подъехав к «Белой пене», разместившейся на первом этаже жилого дома, Анатолий Иванович с тоской посмотрел в сторону бара – он все же за рулем.
- Нет ничего приятней ожидания, – сказал Гуров и вышел из машины.
- В его намерения не входило дегустировать сорта пива, предлагаемые в кабаке. Его больше интересовали показания бармена и официанток.
- Войдя вовнутрь, полковник отметил капитально проведенный ремонт и приятный прохладный ветерок, гулявший по новой черного цвета мебели и мраморному полу.
- День только начинался, и народу не было вовсе. Тем не менее бармен не скучал, расставляя по полкам новые поступления.
- стакан минералки, – попросил полковник, садясь за стойку.
- Облаченный в белую рубашку с коротким рукавом располневший мужчина повернулся к посетителю, продолжая держать в руках пару бутылок виски.
- А к ней ничего не добавить? – поинтересовался он, освобождаясь от спиртного и доставая откуда-то снизу бутылку нарзана.
 - Если можно, информацию вот об этой девушке, – Гуров положил на стол фотографию.
- Бармен посмотрел на полковника без энтузиазма, но взял в руки фотографию.
- Пила она одно время здесь. Но не сильно. – Бармен почесал бок и продолжил расставлять бутылки, одновременно выдавая информацию: – Мужик с ней был крепкий. Денег тратили немного, но приходили регулярно.
 - Вы никогда эту девушку не видели в обществе студентов?

Если он ответит: «не видел», то тогда откуда эта блондиночка знает о том, что ее сокурсница проводила время в этом баре? Следила?

– Видел, почему же.

– Почему вы ее запомнили? У вас ведь масса народу.

– Когда красивая самочка посещает заведение, в котором ты работаешь в течение двух лет, подсечь ее не составляет труда.

– К вам продолжает приходить тот мужчина, что был с ней?

– Кажется, да. Когда вот только я его видел, не могу сказать. Но заходит. Однажды с ним заварушка приключилась...

Смышленный дядя взял паузу и повернулся к полковнику с маской жажды на лице.

Гуров подбросил на стойку еще полтинничек.

– Он так отметелил четверых парней, что потом мне пришлось вызывать «Скорую», никто из них подняться не мог.

– Это все? – словно на допросе, поинтересовался Гуров.

– Все, что знал, – ответил бармен.

– Сегодня вечером загляну, – Гуров осмотрел батарею бутылок. – Ты мне его покажешь, не так ли?

– Если будет, обязательно.

– Артур, – прочел Гуров вслух имя. – А я Лев Иванович. До вечера.

– Ну-ну, – пробормотал вслед дядя.

Гуров решил не оборачиваться.

«Знал бы ты, увалень, с кем разговариваешь, стал бы повежливее». Но полковник не хотел действовать официально. Много волокиты, да и папа Вербицкий заявление в милицию, помнится, не писал.

* * *

Вечер четверга. Люди спешат расслабиться. И бары в этом деле помогают им, как могут.

Без пятнадцати семь Гуров вошел в заведение, где вовсю играла музыка и мерцали фонарики. В отличие от молодежных дискотек здесь гоняли бардов. Пить под терзающие душу голоса одно удовольствие, во всяком случае, видимо, так считали устроители этого питейного заведения.

Ни с того ни с сего к полковнику подскочил бармен.

– Лев Иванович, вы извините, я не знал, – извиняющимся тоном проскрипел располневший человек в бабочке на шее.

«Кто же это меня так быстро вычислил?» Гуров забрал деньги. Не разбазаривать же наличность.

– Пойдемте со мной, я покажу вам ваш столик.

Ларчик повышенного внимания открылся, как только сыщик сел за стол. Из полумрака зала к столику подошел невысокий худенький парнишка в черном кожаном жилете. Улыбался он Гурову во весь рот. Правда, двух зубов у него не было. Пара верхних резцов были где-то оставлены.

– Добрый вечер, дядя Лева!

– Добрый, Андронов. Где зубы-то потерял?

– Ну что вы все о такой ерунде, Лев Иванович.

Андронов Гена отсидел всего год вместо пяти. Несмотря на свою хлипкость, он проявил себя настоящим бойцом, когда двое придурков начали цепляться к его девушке. Одному ребро сломал, другому коленный сустав.

К счастью Андропова, мимо ехал подполковник Гуров. Увидев, что двое одного мутуют, Лев Иванович притормозил, вытащил пистолет и направился к троице. Девушка Гены стояла рядом и, не в силах смотреть, как мужики дерутся, выла: «Помогите!»

Но не успел. Андронов вывернулся и в два удара сделал себе год отсидки.

Один из пострадавших оказался чьим-то сынком. Судью здорово лоббировали. Андронов попросил о встрече и рассказал, что дело складывается не в его пользу. Гурова это возмутило, и он сказал в перерыве заседания судье, что считает это дело личным. В результате служитель закона выбрал компромиссное решение. Не остановись тогда Гуров, все могло кончиться для Андропова там же, на улице.

Теперь, спустя три года, перед ним стоял все тот же Андронов и в то же время другой. Люди из зоны возвращаются иными, чем они были до ходки, это полковник очень хорошо знал.

– Ты на меня не сердишься за то, что я остановился тогда? – поинтересовался Гуров.

– Дядя Лева, неужели ты думаешь, что я обижен на тебя? Не будь зоны, кем бы я был сейчас? Слесарем? Торгашом на лотке? Грузчиком? От судьбы не уйдешь, дядя Лева. Да ты знаешь, сколько человек остановится в подобной ситуации? Ноль, дядя Лева. Я не из-за тебя сел. Это я ведь кости ломал козлам.

– Твое заведение? – Гуров еще раз оглядел интерьер.

– Мое. Работаем не покладая рук.

– Как узнал обо мне?

– Бармен пришел докладывать о каком-то мужике, задававшем вопросы. Внешность описал. А я слушаю его и ушам не верю. Неужели, думаю, товарищ подполковник объявился.

– Полковник, Гена.

– Я бы вам, Лев Иванович, сразу маршала дал.

– Спасибо. Человек за стойкой у тебя неглупый, значит, ты в курсе дела.

– Уверю, – Андронов приложил ладонь к сердцу, – как только этот тип появится, вы будете знать об этом первым. Покушать ничего не хотите? Есть гриль, раки, можно сделать щучьи котлетки.

– Гриля хватит. И вина сухого.

– Как скажете.

Гена подозвал официантку, сделал заказ и, крутанув в воздухе пальцами, посоветовал ей работать с максимальной скоростью.

– Что же это за девочка такая, что ею занимается полковник? – Андронов хитро прищурился. – Знаю, не скажете. Но, видать, с деньгами у вас все хорошо.

Гена по молодости своей, а ему было не больше двадцати пяти, был достаточно назойлив, но Гуров на него не обижался. Это пройдет лет через пятнадцать-двадцать, но обязательно пройдет, эта торопливость и дерганость, желание сунуть нос туда, куда бы и не следовало.

Поест Гурову так и не удалось. Подошла официанточка, маленькая, ладненькая цыпочка, и сообщила, что человек, с которым гуляла Анна, зашел к ним в гости и сидит сейчас за стойкой, добавила, что это просил передать Артур.

Гуров пробежал глазами по посетителям, сидящим к нему спиной на высоких тумбах, и сразу же опознал ухажера Анны.

Его было легко узнать по очень короткой прическе и невероятно широкой спине. Явно увлекается атлетикой. Талия узкая. Трицепсы, мышцы, отвечающие за разгибание руки, массивны и широки. Штангу жмет, молодец.

Гуров и сам любил покататься, знал толк в атлетизме. Такие мускулы, как у этого мужика, ворочают на тренировках центнерами. Обычного человека может пополам сломать.

– Спасибо, лапочка, – поблагодарил Гуров. – Пойду поговорю.

Сыщик медленно пошел к крепышу. За это время тот успел пропустить рюмку какого-то питья.

– По какому поводу пьем? – поинтересовался полковник, присаживаясь на свободное место рядом.

– Да так, просто пьем, – спокойно ответил скуластый брюнет, не поворачивая головы. Гуров положил перед ним фотокарточку.

Качок долго смотрел на изображение, затем медленно повернул голову. Суровый взгляд, массивные надбровные дуги, угли глаз.

– Откуда у тебя эта фотка?

– Может, выйдем на улицу? – предложил Гуров. Он уже протянул руку за фотографией, как вдруг кисть здоровяка перехватила предплечье полковника.

– Мне нужен ответ на вопрос.

Спокойно перенося боль, которая возникла после того, как мощные пальцы начали давить его руку, Гуров ровным голосом повторил:

– Все объяснения на улице. Здесь слишком душно.

Гуров был готов к серьезному разговору. В случае чего, пистолет и быстрая реакция всегда при нем. Проходя мимо столиков, полковник встретился глазами с Артуром. Тот что-то быстро говорил охраннику. Сыщик уронил на бармена тяжелый взгляд: мол, сиди спокойно, ситуация под контролем.

Они вышли. На небе к тому времени еще не появилось ни одной звезды. Был хороший весенний вечер, но люди вместо того, чтобы любоваться вечностью, приступили к разбирательствам.

– Я хочу найти эту девушку, – пояснил Гуров.

– Кто ты такой? – Мужик схватил полковника за грудки.

Из бара тут же выбежали двое вышибал-охранников и Артур.

– Не надо, я сам, – остановил подмогу Гуров.

Он резко заломил качку руки за спину и вынул из своего внутреннего кармана удостоверение.

– Не пыли, а то у тебя будут проблемы со здоровьем.

– Твою мать, – выругался качок, узрев корочки. – Извини, начальник. Я просто скучаю по ней.

– Расследование частное, – сообщил Гуров. – Давай рассказывай, кто такой, когда видел ее в последний раз.

Артур и его амбалы, заметив, что обстановка нормализовалась, скрылись в чреве бара.

– Сероземов Борис. Предприниматель. Документы надо показывать?

– Пока нет, – утешил Гуров.

– Мы уже три месяца с этой дурой не виделись.

– Почему дурой?

– Потому что мужика с деньгами, а я мужик с деньгами, не бросают. С чего бы это Анной занялась милиция?

– Вопросы задаю я, – напомнил Гуров.

Сероземов только тяжело вздохнул. Если бы перед ним был простой смертный, то разговор вряд ли бы продлился более нескольких секунд. Один удар, и оппонент на коленях просит прощения. Никаких иных аргументов, кроме силовых, этому громиле явно не доводилось приводить по жизни. Это Гуров понял сразу же. Слишком заторможенная реакция на смену обстоятельств. На худой конец, он мог бы оправдывать свое агрессивное поведение тяжелым рабочим днем.

– Вы со всеми так дружелюбны, гражданин Сероземов?

– У меня работа простая: отвез – привез. Мне вопросов никто никогда не задает.

– Не любите вопросы?
– Не люблю, когда лезут в душу. Не люблю, когда мои личные дела трахают кого-то на стороне.

– Девушку надо бы найти, – Гуров оправил слегка помятый костюм.

– Как насчет пива, начальник?

– Отрицательно. Дай мне свой реальный адрес, телефон, номер и марку машины.

– Анна пропала? – На что надеется человек, задавая очевидный вопрос? Если ответ ясен, зачем засорять диалог?

– Похоже на то. Ничего не хотите мне рассказать?

Сероземов дернул мышцами груди.

– Ничего не хочу. У меня органайзер в машине. Сейчас я вам запишу все свои данные.

Гуров не видел поблизости никаких машин марки «SAAB». Осталось только гадать, остановится ли Боря рядом с «Форд-Скорпио» или пройдет дальше к «Ниссан-Максима».

Далеко Сероземов не пошел. Открыв дверцу, он сел в салон, действительно достал ручку и записную книжку европейского образца и стал там что-то выводить.

Гуров на мгновение перевел взгляд на дверь бара, из которой на улицу выкатилась подвыпившая троица. Потом снова стал пристально смотреть на качка. И как-то сразу поймал себя на мысли, что здесь чего-то не хватает. В кадре не хватало движения. Боря сидел неподвижно, откинувшись на спинку водительского кресла и одновременно наклонив голову так, что подбородок касался груди.

Полковник инстинктивно присел, пробежав глазами по крышам окрестных домов.

«Неужели я его потерял? Так быстро, так бесшумно, не может быть. Как это возможно?»

Он выпрямился и с чувством огромного груза на сердце пошел к «Форду».

Полковник открыл дверцу со стороны водителя. Перед ним был труп. Могучие руки безжизненно опущены. Органайзер и ручка на полу. Лицо Сероземова на глазах начало бледнеть.

Осмотрев затылок, Гуров обнаружил небольшое входное отверстие от пули. Посмотрев на лицо мертвеца, полковник с удивлением обнаружил, что пуля не пробила голову насквозь. А это означало лишь одно: тот, кто стрелял, отмерил для заряда ровно столько пороха, сколько было необходимо. Профессиональный подход к работе.

Хороший глушитель, малый заряд плюс закрытый салон авто. Все это сделало убийство практически бесшумным. Вот почему он, стоя всего в двух десятках метров, ничего не уловил.

Влезать в дело об убийстве Сероземова полковник не хотел. Может, оно связано с исчезновением Анны, а может, и нет. Его задача сейчас – найти девушку.

Обойдя вокруг машины, Гуров поразмыслил, как ему побыстрее сдать это дело, и позвонил Крячко домой.

– У меня труп в машине около бара «Белая пена». Знаешь, где это? – начал Гуров после того, как поздоровался.

С другого конца города ответили, что «конечно».

– Отлично. Засылай хлопцев и приезжай сам. Все. Что знаю, расскажу при встрече.

Снова оказавшись около трупа, Гуров нагнулся и поднял органайзер. Боря успел написать только улицу и номер дома. Порывшись в машине, полковник обнаружил в бардачке паспорт. Адрес совпадал с официальной пропиской.

Лев Иванович не мог не отдать должное профессионализму убийцы. Он ликвидировал неугодного человека, можно сказать, в присутствии полковника милиции.

Был уже десятый час вечера. Прохожих на улице поубавилось. Вряд ли кто-то видел, как какой-то человек садится в «Форд». Кто его мог заметить? Ну, сел человек в машину, что такого?

Пока Крячко добирался до места, Гуров начал расследование по горячим следам.

Первым делом полковник добрался до бородатого мужика, спокойно курившего на ступеньках у входа в бар.

– Вы не видели человека, садящегося или выходящего вон из того «Форда»?

Курильщик отрицательно покачал головой. Гуров втянул воздух. Марихуану курит, не стесняется. Тихий московский вечер: убийцы, пьяницы и наркоманы повывлезали из щелей. Не хватает только проституток.

Гуров огляделся. На противоположной стороне улицы припарковалась в непосредственной близости от проходного двора девушка в высоких сапогах и мини. Пэти вумэн, е-е-е, где же твой миллиардер?

Подойдя к длинноволосой рыжей старшекласснице, он просто и обыденно спросил, сколько она стоит.

– Сто долларов, – ответила девушка без околичностей.

Не говоря ни слова, он отсчитал ей по курсу сто долларов российскими дензнаками и протянул со словами, в которых сквозила надежда:

– «Форд» видишь?

Она видела.

– Пять минут назад из той машины вышел человек. Ты его могла видеть.

– Если вы готовы платить столько за информацию, сколько же тогда вы заплатите за меня?

– Я тебя сейчас в детскую комнату милиции отведу, – пуганул Гуров. – Видела кого-нибудь или нет?

– Кажется, женщина из нее вышла, а что?

– Описать можешь?

– Если убрать шпильки, будет не выше ста семидесяти. Стройная. Одета во что-то красное, я не запомнила. Ноги стройные.

Гуров обернулся, чтобы еще раз оценить расстояние, с которого проститутка наблюдала за женщиной. Более сорока метров. Лица не разглядеть.

– Опиши цвет волос и прическу.

– Короткая стрижка, а цвет: платина.

Полковник припомнил, что с одной блондинкой он уже сегодня виделся в институте торговли.

– На сколько короткие волосы?

Девочка задумалась.

– Я не помню.

– В руках у нее ничего не было?

– Не могу сказать.

– Куда она пошла?

– Отстань, – терпение проститутки кончилось. – Мне легче трахнуть, чем все это вспоминать.

Гурову пришлось достать удостоверение.

– Пошли, на сегодня ты уже все, что могла, заработала.

– Я только начала!

– У тебя впереди долгая жизнь, – утешил полковник.

Девчонку пришлось посадить в машину Вербицкого.

Анатолий Иванович проснулся и убрал с лица газету.

Увидев проститутку, он удивленно посмотрел на полковника.

– Это по работе, – серьезно сообщил Гуров. – Посмотри за девчонкой, а я пойду поде-
журю.

– Что случилось?

– Убийство.

Услышав, рыжая задергалась:

– Я здесь ни при чем!

– Сиди спокойно! – рявкнул Гуров. – А то папе с мамой пожалуюсь.

– Мне уже шестнадцать!

– Какой ужас, – пробурчал Лев Иванович, хлопая дверью.

Как только подъехала первая машина с сотрудниками МВД, полковник направился в
бар. Размышления у тела породили ряд вопросов.

Вахта у Артура была в самом разгаре. Только успевай наполнять стаканы и кружки.

– Вам? – спросил бармен, одновременно приготавливая коктейль. – А, это вы? Пого-
ворили?

– Не успели, – полковник увидел в зеркале собственное отражение. Волосы растрепались. Нехорошо. Но не причесываться же за стойкой.

– Уехал? – поинтересовался Артур.

– Я бы сказал – улетел, – поправил его полковник. – С кем он тут общался?

– Да ни с кем. Если не считать женщин, конечно. Он так: или один, или с женщиной.

– Женщины одни и те же?

– Какой там.

Диалог прервал густой бас:

– Отец, дай пива, не томи.

В двух метрах от полковника вырос огромный жирный детина с лицом путника, одо-
левшего Сахару.

– Он здесь снимал или приводил? – продолжил полковник, когда страждущий отошел.

– Приводил. Гена шлюх не жалуется. Посмотрите, сегодня в баре вообще ни одной бабы.
Здесь люди пьют, иногда едят, а уж женщины... это не наш профиль.

Гуров не был уверен, что получил исчерпывающую информацию, но у него созрела
новая идея.

Выйдя на улицу, он подошел к «Волге», предоставленной ему Вербицким, и вытащил
проститутку.

– Куда? Куда мы?

– Сейчас узнаешь.

Полковник подвел ее к «Форду», который уже начали опутывать желтой предупреди-
тельной лентой.

– Знаешь его? – Гурову пришлось поднять вывалившуюся из рук трупа ручку и акку-
ратно задрать подбородок Сероземову так, чтобы стало видно лицо.

Вместо ответа девочка захныкала и поспешила отвернуться.

– Он иногда снимал меня, когда приезжал один.

– Почему ты мне сразу не сказала? Ведь ты наверняка знала номер и марку машины.

– Он ездил на шведской тачке, «SAAB» называется. А сегодня приехал на «Форде». К
тому же я сегодня припозднилась.

– Да? Что ты говоришь, – Гуров не стал уточнять, почему она «припозднилась». – И
где он с тобой веселился?

– А где придется. То в машине, то в парке. Один раз прямо здесь, в подворотне. Как-
то привез на квартиру.

– Помнишь, куда?

- Я адреса не знаю. Но могу показать.
- Молодец.

* * *

Сероземов при жизни действительно имел копеечку. Каким способом он зарабатывал себе на девочек, выпивку, иномарку и трехкомнатную квартиру, оставалось загадкой.

При жизни Боря был прописан не в районе ВВЦ, а на 11-й улице Текстильщиков, что в районе станции метро «Люблино». Сотрудники милиции вскрыли квартиру и попали в номер престижной гостиницы, очутившись в центре Европы.

– Как же это он решился тебя сюда привезти? – спросил Гуров, рассматривая портрет Бори, висящий в рамочке на стене. Работа была выполнена в карандаше и могла претендовать на сходство с оригиналом.

– Мы приезжали сюда в самый первый раз, а затем он искал темные углы по всему городу. Ему хотелось экзотики.

– Да, – согласился Гуров, – слово «экзотика» все понимают по-разному.

Не было ничего удивительного в том, что девочка запомнила дом и квартиру. На двенадцатиэтажке висел огромный плакат, призывавший заглянуть в продуктовый магазин в соседнем доме, а входную дверь, отделанную дорогими породами дерева, ломать было жалко, такую красоту не запомнит только слепой.

Крячко, запыхавшись, влетел в квартиру. Гуров «пристегнул» проститутку к подвешенному под руки лейтенанту и уединился со своим замом в одной из комнат.

– Пропустили отпечатки пальцев покойного через компьютер. Он – это не он.

– Ну-ну, – подтолкнул Гуров.

– Настоящая фамилия покойного не Сероземов, а Игнатъев, имя Валера. Профессиональный угонщик автомобилей, был в розыске.

– Паспорт у него настоящий. Не проверяли, жив ли хозяин документа?

– Сейчас этим некому заниматься.

Гуров посмотрел в окно. Стемнело.

– Ордер на обыск прокурор должен дать. Мы все равно вошли, не бросать же на полпути. – Гуров скрестил руки на груди. Ему хотелось перерыть эту хату сверху донизу.

– Звонить домой?.. – нерешительно спросил Крячко.

– Звони, объясни обстоятельства, а мы пока потихоньку начнем. Даст «добро» – будем смотреть, как положено.

Прокурор не стал возражать, и обыск начался.

Очень скоро из ящика в кладовке, переоборудованной в фотомастерскую, были извлечены фотографии, на которых Анна занималась любовью с застреленным Игнатъевым.

Гуров просмотрел все снимки и, отдавая Станиславу, спросил:

– Что думаешь?

– Нас кошмарами не запугаешь, мы и сами кому хочешь присниться можем. – Крячко пощелкал языком и, разглядывая фотографии, сокрушенно замотал головой, потом по-идиотски заохал: – Ох, лихоимец, гори он синим пламенем.

– Станислав, не дури. Тут дело серьезное. Я вот что тебе скажу: снимали автоспуском для себя. В большинстве случаев по центру кадра замереть не смогли. Так как мы пока больше никаких фото не нашли, могу предположить, что он по ней скучал как мужчина.

– По кому, по ней? – не понял Крячко.

Гуров ляпнул лишнего и поспешил поправиться. Ему не хотелось впутывать в это дело Анну. В его функции не входило собрать на девчонку компромат. Ему надо было всего-навсего ее найти.

- Ну, вот по этой женщине...
- О женщины, вам имя – вероломство!
- Продолжай работать. Мне на сегодня достаточно.

Станислав Крячко был весельчаком и балагуром. Но сегодня Гуров устал от своего постоянно ерничавшего друга и поспешил ретироваться, оставив людей «простукивать стены».

– Все на сегодня? – поинтересовался Анатолий Иванович, плохо скрывая собственное неудовольствие, когда полковник сел в «Волгу».

«Это тебе не жену замминистра катать», – подумал Гуров.

– Меня еще нужно отвезти домой, – полковник зевнул.

Хотелось есть и спать. Кроме всего прочего, хорошо, что они взломали дверь квартиры. Там был туалет, и одной проблемой стало меньше. Нет, даже двумя: в ванной висело прекрасное зеркало, и полковник смог наконец причесаться.

* * *

Мария сидела на диване и читала, вокруг нее была разбросана целая куча листов с каким-то текстом.

– Привет, – улыбнулась она, увидев вошедшего Гурова. Глаза ее блестели. – Есть хочешь?

Она скользнула к нему и нежно поцеловала. Мария была красавицей и обладала незаурядным умом.

– Обязательно, – сказал Гуров, крепко обхватил одной своей ручищей тонкую талию жены и прижал к себе.

На кухне его ждал поистине королевский ужин. Жареная курица, зелень, салат из фасоли, балык, сыр и бутылка сухого белого вина.

Мария опустила в плетеное кресло.

– Хорошие новости? – Гуров тоже сел и многозначительно посмотрел сначала на стол, потом на Марию.

– А, это? Мои поклонники никогда не дадут умереть нам с голоду. Открывай, – Мария кивнула на бутылку, – сегодня есть повод.

Гуров откупорил «Алиготе» и налил вино в бокалы. Он видел, что Мария никак не может решиться заговорить о чем-то важном.

– Нырять, здесь неглубоко.

Мария набрала воздуха в легкие, как будто действительно собралась нырять, и выпалила:

– В театре ставят новый спектакль. Я в главной роли! Ты знаешь, как это важно для меня... В общем, я должна буду уехать на пару недель к себе домой, – она заглянула сыщику в глаза.

– Поздравляю. За тебя и за твою новую роль, – полковник поднял бокал.

Гуров был так голоден, что готов был съесть быка. Ошарашенная Мария явно не ожидала от него подобной реакции. Она долго смотрела на то, как Гуров расправляется с курицей.

– Ты рад?

Полковник был действительно рад. Работа поглощала его целиком, домой он приходил поздно, но не любил чувствовать себя виноватым. Мария к этому привыкла, но все равно всегда волновалась.

Гуров понимал, что временная разлука пойдет ей и театру только на пользу, да и он лишний раз не будет мотать ей нервы.

Мария была актрисой, Гуров – сыщиком, и каждый из них не смог бы прожить и дня без своей работы. Они оба это понимали и никогда не вмешивались в дела друг друга.

– Я знаю, ты рад. У тебя сейчас выражение лица, как у мальчика, которого взяли в цирк. Ты счастлив, что наконец-то избавишься от меня, – артистка капризно надула губки, – или тебе очень понравился сегодняшней ужин?

– Я рад, что у меня такая замечательная жена.

Мария поднялась, подошла к Гурову и провела ладонью по его сильной груди.

– Как?! Гуров! Вы женаты?

– Немножко. – Сыщик не удержался, схватил ее в охапку и, подняв на руки, унес в спальню.

* * *

Низкорослый мордатый капитан сидел перед экраном монитора и пытался разбить виртуальную армию гоблинов.

Когда полковник вошел в операционный зал, заведующий технической частью оторвался от игрушки и, оттолкнувшись от стола, выехал на стуле, снабженном колесиками, из отгороженного стеклом закутка. Встал и пожал руку Гурову.

– Отлично выглядите, Лев Иванович, – похвалил капитан безупречно сидящий однобортный костюм серого цвета.

– Спасибо, Сережа. Умудрился выспаться. А ты, я смотрю, развлекаешься.

– Ну должна же быть хоть какая-то польза от работы в милиции.

– Куда посадишь? – Гуров оглядел зал: примерно пятнадцать из двадцати рабочих мест пустовали.

– Садитесь за любой. Оставить одного или помочь?

– Посижу, – сухо ответил Гуров, не желая, чтобы кто-то присутствовал при поисках криминала на Анну.

– Как скажете, – равнодушно ответил король оргтехники, возвращаясь к себе в конторку.

Полковник набрал на клавиатуре имя, фамилию, отчество пропавшей без вести.

Поиск занял несколько секунд. На Анну Вербицкую ничего не было.

Может ли биография двадцатилетней дочери заместителя министра быть безупречной? Почему бы и нет.

«Время десять пятнадцать. Пятница. Я уже больше суток занимаюсь этим делом. И из достижений лишь присутствие при убийстве Сероземова-Игнатьева. Что касается Анны: не могу поверить, чтобы она не попала хоть в одну переделку до того, как исчезнуть. Это могли не зафиксировать органы, но не может девочка при деньгах и с железобетонной папиной „крышей“ не выкинуть фортель, не может».

– Сережа, может, ты попробуешь? – вежливо спросил полковник специалиста.

– Посмотрели краткие сводки и сдались? – прищурился и без того узкоглазый из-за зажавших веки щек капитан.

– Сдался, в вашем электронном мире черт ногу сломит, – признался полковник. – Посмотри, что у нас есть на Анну Евгеньевну Вербицкую.

– Вербицкая, Вербицкая, – пробормотал капитан, выходя из игрушки и заходя в систему. – Знакомая фамилия, недавно слышал ее в новостях по радио. Или это совпадение? – капитан лукаво посмотрел на Гурова.

– Вполне вероятно, – не стал отрицать полковник.

– В таком случае я сейчас вам покажу интересный файл. – Пальцы капитана забегали по клавишам справа, где располагались цифры. – Я храню здесь несколько личных документов. Вот один из них.

Гуров не мог не признать, что материал действительно познавательный. Правительство России от и до. Вице-премьеры, министры и их заместители.

– Вот и Вербицкий Евгений Борисович. Никак его дочка вас интересуется?

– Предположим, – нахмурился Гуров.

– Официально вы на нее ничего не нашли. Не так ли?

– Капитан, не тяните меня за... галстук, выкладывайте, – Гуров не скрывал нетерпения.

– Партия власти заботится о себе. Даже если что и случается, то до нас это не доходит.

– Родители девчонкой не интересуются, а она могла где-то как-то подзалететь.

– Я могу покопаться в протоколах по Москве за последний год.

– И много это займет времени?

– С именем и фамилией – одну минуту.

– Думаю, одну минуту я найду, – полковник улыбнулся. – Техника, без нее сейчас никуда.

– Смотрите, – капитан не скрывал удовлетворения, – клюет. – Протокол от девятого декабря прошлого года.

Гуров сел рядом с капитаном.

Попойка в обществе известного исполнителя попсовых песен Саввы Иванова закончилась дракой. Наряд задержал в ресторане «Питер» девять человек, в том числе и Анну.

Важность документа не бог весть какая, но теперь у Гурова на руках был список лиц, так или иначе контактировавших с пропавшей.

– Вы можете мне это распечатать?

Капитан скривился:

– Дочка замминистра. Не слишком мне хочется переводить бумагу.

– Волков бояться – в лес не ходить, – подтолкнул Гуров. – Давай, капитан, делай мне бумагу с адресами всех, кого задержали вместе с Анной.

* * *

Для того чтобы найти Савву Иванова, полковнику потребовалось полтора часа.

Приехав домой к поп-звезде, они обнаружили там только его мать. Женщину пришлось успокаивать. Узнав, что стоящий перед ней элегантно одетый мужчина из милиции, пожилая дама пустила слезу.

– Что натворил мой мальчик? Неужели он не в ладах с законом?

Гуров успокоил ее, рассказав, что хочет поговорить с ее сыном в надежде на его помощь. Как ни старалась мама выпытать из полковника побольше, ничего у нее не получилось.

Скрепя сердце, будто выдавая великую тайну, она сказала, что сын в студии около спорткомплекса «Крылатское».

Записав адрес, Гуров поблагодарил и испарился.

Пройдя сквозь пару охранников, стоящих у дверей студии, словно нож сквозь масло, Гуров открыл первую попавшуюся дверь. В комнате сидела девяносто-шестьдесят-девяносто за компьютером.

– Где Иванов? – спросил полковник с ходу.

– Он занят! – поставленным тоном попыталась отрезать секретарша, но Лев Иванович приложил палец к губам и раскрыл удостоверение.

– Где?

– У него обед. Следующая дверь.

Двухметровый длинноволосый увалень, по которому сохла добрая половина всех девочек в России, сидел за дубовым столиком и кушал йогурт.

– Приятного аппетита, – только и успел пожелать Гуров, как в комнату влетел лысый мужик с линзами в золотой оправе на кончике носа.

– Вы кто такой, кто вам разрешил сюда войти?

Гуров терпеть не мог нахалов.

– Я – твоя судьба, – ответил полковник. – А теперь выйди отсюда.

Певец перестал харчеваться, отставив «Данон».

– Может, дадите поесть спокойно? – равнодушным тоном спросил он, не сводя пристального взгляда с лысого в очках.

Вскоре Гуров остался с Ивановым тет-а-тет.

– Дайте посидеть спокойно полчаса, – тихо попросила звезда. Звезда? Нет, звезда – это женского рода, а он, Иванов, мужского, получается: звездун или звездюк.

– У меня нет времени, – сообщил Гуров, – но вы кушайте, кушайте.

– Мама звонила, – признался Иванов.

– Хорошая у вас мама. Поскольку вы не бросились в бега – криминала за вами нет.

– Нет, – согласился двухметровый, снова принимаясь за йогурт с клубникой.

– Кроме привода девятого декабря за пьянку.

– Я там еще двоим морды набил, – припомнил Савва и ухмыльнулся. – На кого поперли, недоделки, понять не могу.

– Анну Вербицкую помните? – Полковник положил на стол фотографию.

Звездун долго лупал большими карими глазами, затем покачал головой, выражая отрицание.

– Сейчас сюда заходил лысый дядн, – очередная ложка розовой сладости отправилась в огромную пасть. – Моя фамилия Иванов, а его зовут, – тут он набрал побольше воздуха в легкие и гаркнул: – Иван!!!

Золотая оправка тут же влетел в комнату.

– Посмотри, девочку не узнаешь?

– Извините, – лысый покорно смотрел на Гурова, – я не знал, что вы из милиции.

– Ничего, бывает.

– Я менеджер, – представился он.

– А я полковник, – сообщил Гуров.

Взяв фотографию со стола, Иван нахмурился.

– Я отказал ей, она совершенно не умела двигаться.

– Поговорите в коридоре, – взмолился Савва, – мне сегодня здесь торчать еще хрен его знает сколько.

– Пойдемте ко мне, – предложил лысый Ваня, и Гуров не стал упрямыться.

Выяснилось, что Анна пробовала себя в качестве девочки на заднем плане. Но ничего у нее не вышло. Ни умением двигаться, ни голосом она придирчивых шоуменов не покорила, и ее не взяли.

– А как насчет желаний? – поинтересовался полковник, ощущая приятную упругость кожаного эргономичного кресла.

Менеджер ухмыльнулся.

– С этим у молодежи все в порядке, но мы здесь делаем весьма приличные деньги. Недостаточно трахнуть с певцом или менеджером, или с тем и другим, чтобы получить местечко на сцене. То, что она пила с Саввой, ни о чем не говорит. С кем он только... Да что толочь пустое.

– Вы ее давно не видели?

- Да вот с декабря и не видел.
- Последний вопрос. Как она на вас вышла, как проникла, пусть на время, в ближний круг?
- Есть у нас хореограф. Рита. Она в основном занимается девочками. Я могу позвонить.

* * *

Гуров договорился встретиться с Ритой около Большого. Ей было так удобно. Полковник согласился, в конце концов, она женщина. И, как интуитивно ощущал сыщик, весьма недурна собой.

Усевшись на лавочку, полковник лакомился пломбирчиком в ожидании еще одного персонажа в деле о пропавшей девушке.

Люди, отдавшие жизнь танцам, отличаются от остальных в первую очередь осанкой и походкой. Поднятый подбородок, развернутые плечи, на лице надпись: «Вот он я» или «Вот она я», в зависимости от пола.

Не обратить внимание на высокую женщину в узких брюках и белоснежной блузке с забранными в шишку пепельными волосами на прелестной головке Гуров не мог хотя бы потому, что был мужчиной, а она была сама аккуратность и достоинство. Но у полковника был более веский повод остановить на ней взор.

Именно так описывала себя женщина, разговаривавшая с ним по телефону.

Они поздоровались.

Присев рядом с Гуровым Рита отказалась, сославшись на занятость. Зная, что Гуров на машине, она попросила подбросить ее до спортивного комплекса «Локомотив».

– У нас там репетиция, а моя машина в ремонте.

Гуров не стал возражать, но как только они сели в машину, показал фотографию Анны.

– Да, да, да. Это она, – ее длинные ухоженные пальчики полсекунды подержали карточку и вернули Гурову. – Девочка давно все свое упустила. Разумеется, я имею в виду танцы.

– Как вы познакомились?

– Ох, это было полгода назад. Она у нас больше не танцует. Ее выгнали в январе.

– За что?

– Нахамила мне сразу же после репетиции. Такого добра нам не надо.

– А что, Анна что-то натворила?

– Не стоит беспокоиться. Национальной безопасности ничто не угрожает.

Хореограф вышла у «Локомотива».

Гуров открыл список, добытый им из компьютера... Гуров искал тех, кто попал в милицию вместе с Анной. Трое парней, с которыми он беседовал, ему не помогли, и Гуров перешел на девочек.

Лиза Симбирцева в списке оказалась четвертой. Число «четыре» у японцев означает «смерть».

* * *

Дверь Гурову открыла старенькая-старенькая бабулечка росточком не выше метра пятидесяти. И сделала она это только после того, как он продемонстрировал в глазок свое удостоверение.

– Вам чего? – спросила она, щуря глаза.

Лев Иванович поморщился от запаха, идущего с кухни. Варились какие-то экзотические щи.

– Елизавета Симбирцева здесь проживает?

– Здесь, а чего надо? – Белые жиденькие волосики выбились из-под старого, но выстиранного платка, завязанного через лоб на затылок.

Гуров в который раз убеждался в том, что старики живут в своем обособленном мире. Для них не существует ни чинов, ни званий. Им, познавшим мудрость, все равно, кто ты и что ты.

– Хотел с ней поговорить о ее подруге.

– Солидный мужчина и будете разговаривать с нашей Лизкой. Ну проходите.

Полковник вошел в квартиру, где обои не переклеивали лет двадцать. Бумага, которая закрывала стены, напомнила ему кадры из старых фильмов о войне. Обшарпанные квартиры, нищета, бьющая по лицу, но там война... То же самое и здесь. Старая полочка для обуви. В стене несколько гвоздей вместо вешалки.

На кухне древняя плитка. В комнатке на диване, из которого торчали нитки, лежала бледная девочка с широко раскрытыми стеклянными глазами.

– Это Лиза? – спросил полковник и, получив утвердительный ответ, прошел к ней. Сел подле кровати на скрипучий стул и дотронулся рукой до ее лба. Горячий.

– Она у нас болеет, – пояснила бабушка, принося с кухни в треснувшей чашке кипяток.

Старуха подняла голову то ли внучке, то ли правнучке и влила ей в рот дымящуюся смесь. Только теперь Гуров уловил тонкий запах каких-то трав сквозь – язык не поворачивается – зловоние стоящего на огне варева.

Глаза Лизы ожили, и она, как бы просыпаясь, повернула голову к Гурову.

Ввалившиеся щеки, обескровленные губы и желтая кожа. Диагноз полковник поставил сразу же, как вошел в комнату.

Бросив взгляд на подоконник, он увидел одноразовый шприц и обрывки упаковки, валяющиеся в растлевших листочках мяты.

На локтевом сгибе был след от свежего укола.

– Когда приходил доктор? – поинтересовался Гуров у бабушки.

– Да только что ушел.

Девушка вновь забылась.

Не раздумывая, Гуров вызвал по сотовому «Скорую» и велел поторапливаться, пообещав неприятности в случае задержки.

– Ох, врачи сейчас не лечат, – покачала головой бабушка, продолжая отпаивать Лизу.

Гуров ее не слушал.

– Где Анна? – спросил он, нагнувшись к самому лицу девушки.

Она не реагировала.

– Давно она у вас в таком состоянии?

– То ей лучше, а то и хуже.

Гуров попытался нащупать пульс. Удалось это ему после того, как он поджал артерию на горле.

– Ой, оставьте ее. Она уснула, – попросила бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.